

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ РУССКИХ НАЗВАНИЙ КОПЬЯ

Интерес к данной теме оправдан ввиду ее недостаточной изученности.

Учитывая словообразование рассматриваемых в настоящей статье терминов и принимая во внимание другие моменты, мы делим эти термины на особенно древние (1) и несколько более поздние (2).

1

Копье как один из древнейших видов колющего оружия, применявшегося во время войны и на охоте большинством народов мира ¹, было первоначально простым колом, заостренным с одного конца. «Такие копья сохраняются у австралийцев и в наше время (т. е. в XIX в. — Г. О.); во времена же Тацита они употреблялись германцами; во времена Геродота — ливийцами» ². По-видимому, такой вид колющего оружия (кол) использовался и древними славянами, но позднее, главным образом, к началу исторического периода, праславянский термин *колъ* (сближаемый с *колоть*) ³ становится как название оружия все менее активным. (Ср. упоминания о деревянных копьях — как в старославянизированном варианте: «древанымъ копиємъ» (Палея. 1406 г., л. 143 в — г. — Картотека СДР), так и в восточнославянской огласовке: «копье деревяное» (ПСИ I № 35. 1701 г. Статейный список. — Картотека ДРС). Такие копья были либо кольями, либо оружием, очень близким к ним.) Любопытно при этом даже сравнительно поздние письменные свидетельства, пусть и нечастые, использования на Руси кола как оружия: а) солдаты стрѣльцовъ перебили, и къ Гаврилу и къ Ондрею солдаты ко двору съ кольемъ приходили и ихъ бранили (Моск. 1662 г.) ⁴; б) Петрушка Тимошкинъ сынъ Лобачевъ, выскоча с избы своей с амчаниномъ с Ивашкой Антипкинымъ. . . і с многими людьми з дубьемъ и кольями,

¹ БСЭ, 3 изд., т. 13, 1973, с. 133.

² Оленин А. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времен Траяна и русских до нашествия татар. СПб., 1832, с. 17.

³ Фасмер II, с. 285.

⁴ Акты Московского государства. Т. III. СПб., 1901, с. 496.

убили крестьянина ево Фильку Ларичева до смерти (1689 г.)⁵. В современном русском языке сущ. *кол* уже не имеет военно-терминологического оттенка.

Ценность копья как оружия определяется прежде всего его заостренной частью; ее название могло употребляться для обозначения всего копья. Таковы праславянские слова одного этимологического гнезда *ость*, *остен(ъ)*, *осн(ъ)*, (*и осно*)⁶, из которых первое встречается в древнерусских памятниках реже (Кто китры [вар.: *кытры* 'цитрусовое дерево'] ѡстыми орѣживъ съвъкѣпи имъ самокованныа копіа. Шестоднев. 28. XV в. — Картоoteca ДРС), последнее — чаще других; пример: понеже и сына своего смирі (Иван Грозный. — *Г. О.*) на оныі свѣтъ, пробиша его осномъ своимъ. . .⁷ *Оснь* в этом случае имеет значение 'остроконечная трость с копейцом на конце', т. е. выступает синонимом слова *копье*, ср.: Онъ же (Иван IV) возгорѣвся гнѣвомъ великимъ, копьемъ, яже во проклятомъ жезлѣ своемъ носяще, абіе рукою своею пробил его (Молчана Миткова). Ист. К.² 190. (21). — Картоoteca ДРС.

Одно из поздних употреблений этого слова относится к 1668—1676 гг. (Дополнения к Актам историческим, т. V, с. 346): осномъ. . . покололъ. В новое время этот термин стал не характерен для русского языка и, в отличие от этимологически тождественного ему, как считают, названия *остен* 'шип, острие'⁸, вышел из употребления. Словоформа *остъном(ъ)* засвидетельствована в Геннадиевой библии (1499 г.): Что са ѡмоудри^ѣ, дрѣжа рало. хвалѣнса копѣищемъ остъно^ѣ. καὶ κορυφῆρονος ἐν δόρατι κάπτρου (Сирах. XXXVIII. 25. — Картоoteca ДРС).

Интересны по своей семантике этимологически связанные с названием оружия *ость* ст.-слав. глаголы *остроуити* и *острогати* 'уничтожить (-ать)', на что обратила внимание автора настоящей статьи Р. М. Цейтлин⁹.

Праслав. *острога* (от основы прилагательного *ost-r-ъ*), известное у славян в значении 'шпора'¹⁰, в русском языке имело также и другую, трудно сказать, в какой мере древнюю семантику — 'копье'; ср. военн. устар. выражение *острогой* — *коли!* (команда, подававшаяся для действий пикой в кавалерийских частях¹¹); ср., далее, упоминание слова *острога* как названия колющего оружия в Словаре Памвы Берынды (1627 г.)¹², а также народное употребление слова в новое время: *острога* — 'копье,

⁵ Архив сельца «Сурьянино». Составил Голицын А. Л. Орел, 1900, с. 26.

⁶ *Фасмер* III, с. 165 (приводятся инославянские и другие параллели).

⁷ *Котошигин* Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, с. 1—2.

⁸ *Фасмер* III, с. 162.

⁹ Ср.: *остроуити* ѡже не оубѣвѣши. заклаша копьемъ (Супр. 477, 12).

¹⁰ *Фасмер* III, с. 166.

¹¹ *Ушаков* III, стлб. 884.

¹² *Сахаров* И. Сказания русского народа. Т. II. СПб., 1849, с. 98.

которым бьют китов и другие рыбы' (Вахтин. — КБАС). В одном памятнике конца XVII в. слово *острога*, вероятно, обозначает 'колющее оружие (или его заостренную часть?)': у одного стрѣла да лукъ, а у другого острога да дротъ. (Д. Шакловит. IV, 286. Конец XVII вв. — Картотека ДРС).

Др.-русск. *оскъльнъ* отмечено лишь в Ипатьевской летописи Пободоства и (Ярослава Святополчича) оскъльномъ. (6631 г. [1123])¹³. Семантика слова по одному этому употреблению достаточно полно не определима. По Л. Нидерле, др.-рус. *оскъльнъ* — 'деревянный кол, заостренный на концах'¹⁴, что не находится в противоречии с этимологией слова. Так, М. Фасмер со ссылкой на Н. Н. Дурново выводит *оскъльнъ* из *скепать*¹⁵; ср. также диал. глагол *оскепать* юж. 'ощепать, общепать'¹⁶. Возможно, и др.-русск. *оскъльнъ*, обнаруженное в Галицко-Волынской (Ипатьевской) летописи, также было юго-западным диалектизмом. В пользу этого говорит и то, что *оскъльнъ* — термин западнославянской ориентации. Ср. ст.-укр. диал. *оскин*, равнозначное укр. слову *ощеп* в Словаре Е. Желеховского¹⁷, ст.-укр. *ощепъ* 'дротик, пика' (Горбач. Акт. яз.)¹⁸, известное также по записям 1627 г.: а) «р а т и щ е, рогатина, *ощьльнъ*, волочня, стрѣла, болтъ», б) «с у л и ц а, згрозомъ дарда, *ощьльнъ*, ощеписко, кончѣръ» — у Памвы Берынды, где встречаем любопытное уменьш. *ощеписко*¹⁹; польск. *oszczep* — «половинчатое копьё, с толстым именно в середине древком, с долгим и толстым острием; теперь употребляется только при охоте на медведей и кабанов, служит для рукопашной схватки с ними»²⁰; 'железное копьё на древке, рогатина'²¹, чеш. *oštěp*, ст.-чеш. *oščiep* > *oštip* 'копьё', *lovecký oštěp* 'рогатина', *oštěpař* м. 'метатель копья (спорт)'²². В тех славянских языках, где активен термин *копьё* (в соответствующих огласовках), например, в русском, белорусском, термин *оскен* (и *ощеп*) малоупотребителен и даже неизвестен, но последний очень активен в языках поль-

¹³ Срезневский II, стлб. 723. Эта запись под 1123 г. с упоминанием слова *оскен* повторяется в нескольких поздних летописях — Воскресенский (ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, с. 25), Тверской (ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, с. 193), Львовской (ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, с. 104), Ермолинской (ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, с. 30).

¹⁴ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956, с. 376.

¹⁵ Фасмер III, с. 159.

¹⁶ Даль² II, с. 697.

¹⁷ Москаленко А. А. Лексико-семантические диалектизмы в памятниках украинской деловой письменности XIV—XVI вв. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского. М., 1971, с. 195.

¹⁸ Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследование в области лингвистической палеонтологии славян, ч. 2, в. 1. Киев, 1882, с. 11.

¹⁹ Сахаров И. Сказания русского народа, т. 2, кн. 5—8. СПб., 1849, с. 99.

²⁰ Krasinski A. S. Słownik synonimów polskich, t. I. Kraków, 1885, s. 271—272.

²¹ Варшавский словарь III, с. 883.

²² Machek², с. 421—422; Чешско-русский словарь. Сост. Павлович А. И. М., 1967, с. 346.

ском и чешском, для которых термин *копье* малохарактерен. Такая взаимообусловленность заставляет считать эти два названия семантически очень близкими, и можно предположить, что в исторический период др.-рус. слово *оскъпъ* означало 'копье', по-видимому, почти полностью утратив более древнюю семантику 'деревянное копье', которую отметил Л. Нидерле. Ср. у В. И. Даля²³: «*Оскеп* м. стар. копыеце, или трость с острым наконечником; вероятно, вначале заостренная палка». А. В. Арциховский определяет др.-рус. *оскъпъ* как 'ударное копье' (не 'метательное')²⁴, однако такая категоричность при единственном употреблении термина в письменных памятниках и при отсутствии иных (например, археологических) данных вряд ли оправдана. Со словом *оскъпъ* связано название древка копья *оскъпище* (с вариантом *осчепище*)²⁵, дожившее до московского периода и хорошо известное в среде военных даже в конце XIX в.: «Ратовище (оскепище) — древко, на которое насаживается копье»²⁶. Однако само слово *оскъпъ* вышло из употребления в древне- и старорусском языке, что связано с особой судьбой у восточных (и южных) славян сущ. *копье* (см. ниже). С термином *оскъпъ* А. Н. Кирпичников странным образом отождествляет слово *проскеп(ъ)* (со ссылкой на «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского)²⁷. В действительности же *проскъпъ* — это «раскеп, расщеп, клещи»²⁸, так что выдвинутый А. Н. Кирпичниковым термин *проскъпъ* 'копье' является мнимым.

Весьма древними были, возможно, и слова *бодило* (и *бодец*), *роженъ*. Хотя *бодило* 'копье', 'рогатина' в древнерусских памятниках письменности и не обнаружено, перед нами, вероятно, довольно древнее праславянское образование — **bodidlo*, ср.: болг. *бодило* ср. р. 'терн, колючка, шип', макед. *бодило* ср. р. 'шило, острие', с.-хорв. *bòdilo* ср. р. 'stimulus' (с. XVI в.), словен. *bodilo* ср. р. 'шип, колючка, шило', 'колющее оружие', рус. *бодило* ср. р. 'рогатина, ратовище с копьём' (Даль³ I, 260), блр. *бадзіла* ср. р. 'рог коровы', 'то, что бодается'²⁹. Ср. с рус. *бодило* употребление слова *бодение* 'удары копьём, пронзение', встречаемое неоднократно, например, в одном древнерусском памятнике³⁰, а также сущ. *бодец* в следующем перечне: «стрѣкало, жало, остень, бодец, острога» (1627 г. Берында)³¹.

²³ Даль² II, с. 697.

²⁴ Арциховский А. В. Оружие. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 431.

²⁵ Срезневский II, стлб. 723.

²⁶ Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. генерал-лейтенанта Лера, т. VI. СПб., 1893, с. 264.

²⁷ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX—XIII вв. М.—Л., 1966, с. 9.

²⁸ Срезневский II, стлб. 1571; III, стлб. 167.

²⁹ ЭССЯ 2, с. 153.

³⁰ Мещерский Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 240, 272, 378, 533.

³¹ Сахаров И. Сказания. . . , с. 98.

В значении 'рогатина, острога' употреблялось, по И. И. Срезневскому, также слово *рожьнь*: А сетей и рожновъ и осо^к и собакъ бояромъ нѣ дѣржать и поколодвъ и кошовъ не ставити. Судебн. Казим. 1468 г. (Рум. 659)³². Ср. древнее, неоднократно встречающееся выражение: Страшно убо есть противу рожна прати³³. Справедливо отмечается связь этого слова с сущ. *рогъ* — или первоначальная, или же вторичная³⁴. Принимая во внимание это, а также наличие слова *рогатина*, можно думать, что копье и близкое к нему по своему виду и действию оружие обозначалось словом *рог(ъ)*: «С самой глубокой древности, когда еще мало употреблялось железа, насаживали на шест бычачьи или коровьи рога и употребляли для нападения и обороны» (Тучков. Воен. слов. II, с. 116. — Картотека БАС). Есть контексты, как будто подтверждающие эту мысль и где *рогъ* — 'колющее оружие': нѣкто слоуга влекъ и къ ризиимонѹ (ризному. — Прол. XIV в. (2) л. 122а) торгоу вземъ *рогъ* и за/кла ю тако же добрѣ подь/визав са в роуцѣ боу дѣхъ предасть. . . (Прол. 1383 г., л. 1176. — Картотека СДР). Это словоупотребление не случайно представлено в традиционном (церковном) памятнике, в тексте, повествующем о легенде, которая относится к глубокому прошлому. В книжнославянском памятнике 1709 г. слово *рогъ* выступает, пусть и вместе со словоформой *копѣи*, также в качестве названия (колющего) оружия, причем как символ: Въ правої руцѣ скипетръ ізъ слонової кості, на немъ же сѣдѣтъ орель. . . въ лѣвой же руцѣ. корнукопѣ ілі *рогъ копѣи* полонъ всякіхъ знаменіи побѣдъ і торжества (Политиколепный апофеосис, с. 158. — Картотека Словаря русского языка XVIII в.).

Однако основным названием рассматриваемого вида оружия было у восточных славян с древности *копье* < праслав. **коръје*, образованное присоединением суфф. -*ъје* к корню *кор-* (*a-ti*). По А. Мейе, это образование должно было быть древнейшим, возможно даже дославянским, поскольку оно представлено только рассматриваемым словом³⁵. (Таковым представлено это словообразование и в позднейших исследованиях³⁶). При этом форму диал. зап.-рус. *копья*, ж. р. 'копье' (а также укр. диал. *копья*, ж. р. 'копье, дротик', польск. *korja* 'вид колющего оружия, долгое древко, заканчивающееся наконечником' — с XV в.; ст.-польск., уже в XIV в. *korija* при ст.-польск. же *korije* то же, диал. морав. *korija* 'копье, дротик', словац. *korija* то же, ст.-в.-луж. *korja*

³² Срезневский III, стб. 145.

³³ См., например: Полное собрание русских летописей. Т. IX. Никоновская летопись. СПб., 1862, с. 246 (сп. XVI—XVII вв.).

³⁴ Преображенский с. 210.

³⁵ Meillet A. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Seconde partie. 2e ed. Paris, 1961, p. 385.

³⁶ Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, с. 80.

‘копье, дротик’) считают вторичной³⁷. В западославянских языках форма женск. рода возникла под влиянием прежде всего таких названий копья как *włócznia*. Первоначальная форма ср. рода кроме др.-рус. и рус. *копье* встречается в других славянских языках. Ср. укр. диал. *кѳние* ср. ‘копье, дротик’, блр. *капѳ* то же, ст.-слав. кспие *λόγχη*, болг. *кѳпе*, макед. *копје* ‘копье’, с.-хорв. *кѳње*, *кѳрље*, стар. *копје* то же (РНЯ I, 561), словен. *копјѳ* ср. р. ‘копье, свадебная хоругвь’ (еще в XVI в.), чеш. *копї*, ст.-чеш. *копїе* ср. р. ‘копье, дротик’, н.-луж. *копѳе* то же, в.-луж. *копјо* ‘копье’. В одном современном исследовании читаем: «Первичное значение этого слова, конечно, было не названием вида оружия, а названием орудия труда, так же, как например лит. *karpl̃ys* ‘мотыга, топор’»³⁸. Так ли это? Не лучше ли говорить, что копье могло использоваться и как орудие труда, и как оружие?³⁹ Охота (например, на крупного зверя с помощью копья) и другие виды деятельности, обеспечивавшей человека материальными благами, в далеком прошлом не были в такой степени дифференцированы, как в наше время. В связи с этим в историко-лексикологическом плане любопытны по своему лексическому значению слова *нож*, *секира*, *топор*, *тесак* и некоторые другие, являвшиеся с давних пор названиями не только орудий труда, но и видов оружия. По-видимому, здесь мы имеем дело с явлением семантической типологии.

Древнейшее употребление слова *копье* в древнерусских памятниках обнаружено в тексте договора Игоря с греками (945 г.): аще оударит мечемъ или *копьемъ*. или кацѳмъ любо оружьемъ. Русинъ Гръчина. или Гръчинъ Русина. . . заплатитъ сребра литръ. ѳ. (Лавр. лет. 1377 г., л. 13 об. — ПСРЛ I Л., 1926, стб. 52).

Здесь, как и во многих других случаях, *копье* — ‘ударное колющее (не метательное) оружие’, ср.: «(1078 г.): Издаславу же стоящю въ пѳшцихъ и внезапно приѳхавъ ѳдинъ. оудари и *копьемъ* за плече. тако ѳбъенъ бы^ѳ. Издаславъ» (Лавр. лет., л. 67 об. — ПСРЛ I. М., 1962, стб. 201). С употреблением слова *копье* для указания на ударное колющее оружие согласуется, по мнению А. В. Арциховского, а вслед за ним и А. Н. Кирпичникова, летописная терминология: *удары*, *прободе*, *пободоста*, *насунути*⁴⁰. Нельзя, однако, не заметить здесь некоторого преувеличения: если глагол *удары* может подтверждать, что речь идет об ударном копье, то этого нельзя сказать о трех других глаголах, так как

³⁷ *Berneker*, S. 566; *Stawski* II, с. 460. К форме женск. рода восходит венг. *kopja* ‘копье’, заимствование из славянского (*Hadrovics L., Galdi L. Oroszmagyar szótár. Negyedik kiadás. I. Budapest, 1971, с. 686*).

³⁸ *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 293.

³⁹ *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 127.

⁴⁰ *Арциховский А. В.* Русское оружие X—XIII вв. — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 4. 1946, с. 18; *Он же.* Оружие, с. 430—431; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие, вып. 2. М.—Л., 1966, с. 22.

они упоминаются и тогда, когда речь идет о сулице, т. е. о метательном копье: «ини сулицами *прободаеми* бываху ини же на копя взимаеми» (Пов. о Мам. (Лет.) 80. — Картоoteca ДРС); «суличники сулицами *сующе*» (Иуд. Иос. Флав. Мещерск. — Картоoteca ДРС).

Однако само различие слов *копье* и *сулица* в ряде контекстов (Ж. Саввы Осв. XIII в. 209; Иос. Флав. О полон. Иерус. I 216; Соф. Вр. 103; Ник. лет. IX 89. XVI в.; Каз. лет. 155 и т. д.), например: «и *копя* и луки и стрѣлы и жезлы ручны/а и *сулицы*» (Г. Амарт., л. 120 в, с. 187. XIII—XIV вв. ~ XI в. — Картоoteca СДР) — рельефно подчеркивает значение слова *копье* как названия не метательного колющего оружия в таких текстах. О такой же семантике термина *копье* как будто говорит контекст, приводимый А. В. Арциховским⁴¹: «оскепищу (т. е. копейному древку. — Г. О.) изсечену от ударенья мечеваго». (Ипат. л., под 1231 г.). Указанное значение слова *копье* было, по-видимому, наиболее характерным для него.

В то же время есть древнерусские памятники, в которых слово *копье* употреблено как название метательного оружия: (946 г.) И съ[не]мъшемся ѡбѣма полкома на скупь. суну *копьемъ* Стославъ [на] Деревланы. и *копье* летѣ сквозь уши коневи (Лавр. лет. 1377 г. ~ нач. XII в., л. 16. ПСРЛ I, стб. 58; Ипат. лет., ок. 1425 г., л. 23. ПСРЛ II, 1908, стб. 45); Толико бо стрѣль и *копи* на Тита пушаему, и на разглядание града, а не на сѣчу, без шолома, и без брони, и без щита, не уязви его ничьсо же (Флав. Полон. Иерус. 362. XVI в. ~ нач. XII в.); внезапно бо послано *копье* (в подлиннике ἀχόντιον 'метательное копье, дротик'⁴²) нашь, и прободенъ бы^с въ мышцую, вниже де ѣмоу въ ребра (Г. Амарт. XIII—XIV вв., л. 230 об.).

Такое употребление слова встречается и в книжной письменности первой трети XVIII в.: изостра́й мечь, мещй *κόνια*, не даждь сна ѡчесамъ твоимъ (Гавриил Бужинский. Слово о взятии Нотебурха. СПб., 1724, л. д. об. — Картоoteca Словаря русского языка XVIII в.); *figere circulum lanceae*, за колцомъ гнаться. ѣхати, верхомъ ѣдучи въ колцо *κόνιємъ* попадати (Вейсман. Лекс. 1731 г., с. 506. — Та же Картоoteca).

Среди автографов Максима Грека в греческой Псалтыри (рукоп. ГПБ, Соф. 78) Л. С. Ковтун обнаружила греческие синонимы, соответствующие, по мнению Максима Грека, русскому слову *копье* (1540 г.): (τὸ) δόρυ, (τὸ) ἔγχος, (τὸ) ἀχόντιον. Третий из этих синонимов означает 'метательное копье, дротик'. Ср. запись: ^{гр.} *сулица* — копье. (Алф. 446. XVII в. 220. — Картоoteca ДРС), —

⁴¹ Комментарий А. В. Арциховского: «Меч служил и для перерубания копейного древка, что редко удавалось с одного удара» (Арциховский А. В. Оружие, с. 422).

⁴² *Истрия В. М.* Хроника Георгия Амартала в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I—III. Л., 1930 (т. III, с. 9; т. I, с. 363).

где ставшее в XVII в. малопонятым *сулица* 'метательное копьё' толкуется как 'копьё'⁴³. Любопытны и составные термины *копје къ бросанию*, *краткое копьё* (Лекс. Вейсм. 1731 г., с. 591); *копье бросальное* (Письмовник Н. Курганова II, 1790 г., с. 241).

Все эти данные ставят под сомнение безоговорочное утверждение А. В. Арциховского о том, что «копье на Руси (в X—XIII вв. — *Г. О.*) предназначалось не для метания, а для удара. Метательное оружие, — добавляет он, — как ниже увидим, называлось иначе (разрядка наша. — *Г. О.*)»⁴⁴.

Памятники письменности, однако, свидетельствуют, что слово *копье*, будучи в исторический период по преимуществу названием ударного колющего оружия, могло указывать и на метательное оружие и в этом втором значении употреблялось преимущественно в книжной письменности, т. е. было представлено с этой семантикой как традиционное⁴⁵. (Впрочем, *копье* как название дротика могло употребляться и в разговорно-бытовой речи: не все в бою можно предусмотреть, и бывали, конечно, ситуации, когда ударное копьё использовалось как метательное.)

Приведенные нами употребления слова *копье* как названия и ударного и — реже — метательного колющего оружия, а также частотность, фразеологическая и словообразовательная активность заставляют считать этот термин родовым названием колющего оружия первого натиска с преобладанием в слове, как показывают многие контексты, семантики 'ударное копьё'. (Ср. др.-рус. *копь* — 'по преимуществу верхояя лошадь' и в то же время — родовое название этого домашнего животного). В доисторический период в этом названии преобладала семантика 'ударное копьё'. Устойчивость термина в русском, белорусском и южнославянских языках, в противоположность его судьбе в западнославянских языках — польском, чешском, словацком, — где произошло изменение грамматического рода слова и возникли не менее активные, чем *kopija*, *kopí*, синонимы *włócznia*, *oštěp*, — объясняется поддержкой термина *копье* у православных славян старославянизмом *копие* — главным обозначением этого вида оружия в церковных текстах, обозначением, упоминаемым рядом с именем Христа. У славян-католиков термины, восходящие к **коръје*, такой поддержки не имели и были несколько оттеснены другими синонимами.

Активность др.-рус. термина *копье* была действительно велика. Так, в «Материалах для терминологического словаря древ-

⁴³ *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975, с. 26.

⁴⁴ *Арциховский А. В.* Оружие, с. 431.

⁴⁵ В доисторический период славянства главным средством борьбы были, как утверждают, именно метательные копья (*Niederle L. Slovanské starožitnosti, díl III, sv. 2, Praha, 1925, с. 547; Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 6; *Маарский* (582—602 гг.). Стратегикон. — Вестник древней истории, № 11 (4), 1941, с. 253—254.

ней России» Г. Е. Кочина (М., 1936, с. 154 и 301) *копье* указано как слово, представленное в 210 употреблениях, тогда, как, например, *рогатина* — в 23 употреблениях, а другие названия копья и того меньше.

Острая металлическая часть оружия, надевавшаяся на древко, называлась *копьем* или *копьемцом*, независимо от того, о чем шла речь — о собственно копьях, пиках, полупиках, протазанах, даже стрелах: *пятьнацать копей* на древкахъ (Кн. пер. арханг. артил. № 58, л. 15 об., 1710 г. — Картотека ДРС); 29 пикъ долгихъ 40 полуликъ и *копьи* и съ прапорцы (ДАИ XI 1684—85, с. 272); пикинерныхъ *копей* и пистолей. . . по 18 (Док. в Сенате II. 1, 1712 г., с. 165); *гѣ* протозанов с копейцами подсобными (Кн. окл. Сиб. гор. XVII в. 223²); стрѣльное *копѣцо* (Козм. 1670 г. 381. — Картотека ДРС); еще: *копей* (металлических наконечников) рогатных 6.144 (Докл. в Сенате V, 2, 1715, № 924, 770—771). У Даля *копьем* называется металлическая часть рогатины⁴⁶.

Некоторые составные старорусские обозначения копья: *конные копья* (Радишевский. Устав. 1621 г., ч. II, с. 8), *копья пешеходные* (там же, с. 40), «копья московскія» Пск. I лет. 290), «фрязские» (Задонщина, сп. XV в.), «литовскія» (Пск. III лет. Ок. Арх. 2, сп. XVII в., л. 196), «турецкіе» (Сказ. пов. об Азов. вз. 70—80-е гг. XVII в., с. 94), «копье калмыцкое» (Заб. Б. I 1663 г.) (725); *копья железные* (ДАИ X 99, 1682 г.); «копье стальное» (1586 г. Ростовск. у.)⁴⁷, *копье булатное*, дорого ценившееся: копье булатное. 10 р. 2 рогатины, одна насѣчена золотомъ. Цѣна ей 6 р. (Д. Шакловит. IV, стб. 222. — Картотека ДРС), *копье харалужное* 'стальное, булатное' (Сл. п. Иг., Задонщина). Значение слова *харалужный* вытекает из тюркской этимологии его: чагат. *karaluk* 'сталь', первонач. *kara* 'черный', — впервые данной не теми учеными, которые упомянуты М. Фасмером⁴⁸, а русским полковником Н. Е. Бранденбургом в 1883 г.⁴⁹

Показательны семантические и словообразовательные производные от сущ. *копье* в древне- и старорусском языке. Слово могло иметь значение 'воин, вооруженный копьем' (при указании на количество воинов) (6677 г.): Бысть же оу поганыхъ .ѵ. копии, а оу Руси давносто копии (Лавр. лет. — ПСРЛ I., 1926, с. 28), — а также 'ряд (колонна) воинов в восемь человек, расположенных в глубину'. Оба эти значения у слова *копье* (*копие*), как утверж-

⁴⁶ Даль² IV, с. 100.

⁴⁷ Лихачев П. Н. Собрание грамот и договоров, собранных в архивах и библиотеках Российской империи. СПб., 1895, с. 63—64.

⁴⁸ Фасмер IV, с. 223.

⁴⁹ Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. Г. А. Леера, заслуженного профессора Николаевской Академии генерального штаба, т. I. СПб., 1883, с. 566. Из менее правдоподобных версий М. Фасмер не упоминает версию В. Ф. Ржиги: *харалужный* — от узб. *хараблик* 'гибель' (Ржига В. Ф. Восток в «Слове о полку Игореве». — В кн.: Сборник Государственного литературного музея «Слово о полку Игореве». М., 1947, с. 169—189).

дает Ф. П. Сороколетов в монографии «История военной лексики в русском языке XI—XVII вв.» (Л. 1970, с. 112), «надо считать явлением сугубо восточнославянским, по крайней мере нет ни одного достоверного свидетельства о наличии этих значений о.-слав. *копье* (*копие*) в западно- или южнославянских языках». Возможно, к др.-рус. *копье* 'воин, вооруженный копьем' восходит диал. курск. (обоянск.) *капъё* 'сметливый, расторопный человек': «Малый капъё» (Машкин, 1859 г. — Картотека СРНГ). Любопытные наблюдения Ф. П. Сороколетова совпадают с приведенными выше славянскими лексическими данными, указывающими на особенно большую активность слова *копье* в русском и белорусском языках в противоположность прежде всего языкам западнославянским. Важно учесть еще одно семантическое производное: *копие* 'одна из принадлежностей церковной утвари' (Срезневский III. Дополнение, 143'), — в связи с отмеченной нами устойчивостью термина у православных славян.

Заслуживают внимания также словообразовательная активность древнерусского *копье* — как в народно-литературных, так и в книжнославянских памятниках; ср.: *копійный* и *копейный* 'относящийся к копью' (Сим. Пол. Орел. Росс. 29; Хр. 1512 г. — Картотека ДРС), сущ. *копейное*, ср. р. 'вид налога' (Соф. Врем. I 103), *копѣшникъ* (Иос. Флав. О полон. Иерус. I, 66. — Картотека ДРС); *копейник* (Ник. лет. X 83. — Там же); *копейничья* (*хитрость*) (Хрон. Г. Амарт. XV в., I, 542—543); *копъеносимый* (Скрижалъ 1656 г. — Картотека ДРС) и др.

Ср. еще фразеологизованное выражение: *взати городъ (градъ) копьемъ*, т. е. 'приступом' (Ип. лет., Новг. V лет., Воскрес. лет. и т. д. — Картотека ДРС).

2

Слово *рогатина* — производное второй степени от *rog-ъ* — праславянский (севернославянский) диалектизм: др.-рус. и соврем. рус. *рогатина*, ж., укр. *рогáтина* 1. 'рогатина'. 2. 'вид кинжала', блр. *рагáціна* 'рогатина', *рогáціна* 'суковатый кол'⁵⁰, польск. *rogacina* (устар.) и (из восточнослав., уже с 1500 г.) *rohacyna*, *rogacyna* 'копье', 'колющее оружие, состоящее из древка длиной около 6 локтей с копьцом'⁵¹, в.-луж. *rohacina* 'Hognamboss'⁵², чеш. *rohacina* 'копье', 'багор', 'вид палки', словац. стар. *rohacyna* 'прутик, обмазанный клеем (для ловли птиц)'⁵³.

Таким образом, утверждение о том, что рогатина, по-видимому, русское изобретение, что «ничего подобного в других странах нам пока неизвестно» и что в польском языке это название оружия

⁵⁰ Беларуска-рускі слоўнік. М., 1962, с. 774; Носович, с. 564.

⁵¹ *Brückner*, с. 460—461; Варшавский словарь, т. 5, с. 551, 554.

⁵² *Pfuhl*, с. 589.

⁵³ *Будилович А. С.* Первобытные славяне. . . , ч. 2, вып. 1, с. 10 (со ссылкой, в частности, на *Bernolákův Slovník slovenský*. 1825); *SSJ III*, с. 756.

«заимствовано из русского»⁵⁴, вряд ли приемлемо. Этот вид оружия использовался и за пределами Московского государства, — в описи имущества Бориса Годунова значатся английские, немецкие рогатины⁵⁵; из восточнославянского источника заимствован поляками лишь фонетический вариант *rohатына* (и *rogатына*), тогда как устар. *rogacina* — форма у поляков исконная (с характерным польским смягчением $t > c$ перед гласным переднего ряда *i*).

Древнейшее на русской почве употребление этого термина: (1149 г.): един же ѿ нѣмчичь видѣвъ и [Андрея Боголюбского. — Г. О.] хотѣ просунути *рогатиною* (Лавр. лет., л. 108, 108об. — Картотека СДР). Таким образом, в древнейшем упоминании *рогатина* — ‘боевое оружие’, но служила она и для охоты: (1255 г.) «сам же (Даниил Галицкий, охотясь на вепрей. — Г. О) уби их рогатиною три» (Ипат. лет.). Благодаря надписи, сделанной в XV в. на одном экземпляре этого оружия («рогатина великого князя бориса олександровича». — Хранится в Моск. Оруж. палате. 1395—1461 гг.)⁵⁶, можно утверждать, что от копыя рогатина отличалась более широким и массивным наконечником⁵⁷, могла при ударе выдержать без поломки большое напряжение и быть использована не только как боевое оружие, но и при охоте на крупного зверя, так как была рассчитана на нанесение глубокой и широкой раны.

Таким образом, др.-рус. *рогатина* — это ‘вид копыя с широким и массивным наконечником, использовавшийся обычно пешими воинами, а также при охоте на крупного зверя’.

Вместе с тем существовали русские метательные копыя, называемые *рогатиной*: *r a g a t i n e*, a kinde of weapon like an irish darte, which Vaivods use (whith ragatines the camusnicks kill bares and other beasts) — «род оружия, подобный ирландскому дротику; им пользуются воеводы». В скобках выписано дополнение, сделанное позже: «Рогатинами камусники (по Б. А. Ларину, туземные охотники из северных народов) бьют медведей и других зверей» (1619 г.)⁵⁸. В связи с этим любопытно, что греч. αἰγανή, толкуемое как *χοιτάριον μικρόν* ‘небольшое копые’, представлено в славянском переводе XII—XIII вв. в следующем виде: «прищитня или рогатина»⁵⁹. Здесь, кстати, интересно еще одно сла-

⁵⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 15.

⁵⁵ Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратного доспеха и конского прибора. СПб., 1865, с. 253.

⁵⁶ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, с. 121—122.

⁵⁷ Арциховский А. В. Русское оружие X—XIII вв. . . ., с. 4.

⁵⁸ Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса. Л., 1959, с. 87—88 и 218.

⁵⁹ Hesychii Glossographi discipulus et επιγλωσσιςτῆς russus in ipsa Constantino-poli sec. XII—XIII. e codice vindobonensi graecorussica omnia, edidit Bartholomaeus Kopitar. Vindobonae, 1839, с. 16.

вянское обозначение копья — *прищитня*, нигде в древне- и старорусских памятниках, впрочем, пока не обнаруженное ⁶⁰.

Таким образом, слово *рогатина* могло обозначать не только ударное, но и — реже — 'небольшое, метательное копье', ср. укр. *рогáтина*, приводимое Б. Д. Гринченко (4, с. 27) и в значении 'род кинжала'. Вопреки А. В. Арциховскому и А. Н. Кирпичникову, не можем утверждать, что «рогатина всегда была копьем ударным» ⁶¹. Напротив, значение 'метательное копье особого вида' слово *рогатина* могло унаследовать с праславянской эпохи, когда дротики были основным видом колющего оружия у славян.

Вероятно, диалектный вариант термина — слово *рогатыня*, образовавшееся с помощью суфф. *-ын'-а* от основы прилагательного *рогат-ыи*: (1417 г.): В то же лѣто и зиму бѣ морь страшень в Новѣгородѣ на людехъ. . . // . . .преже яко *рогатынею* ударить и явится железа, или начнетъ кровию хракати (Новг. I лет., полов. XV в., с. 404/405. — Картоотека ДРС); (1570 г.): Ъздяху по Волхову, со оружіемъ, и с рогатынями, и с копи, и с топоры — и кто спловеть на верхъ воды, и они, прихватывая багры, людей копи и *рогатыни* прободающе и топоры сѣкуще (Новг. III лет., с. 342. — Там же). Уменьш. *рогатинка* и редкое специальное *рогатенник* 'воин, вооруженный рогатиной' говорят об известной активности термина, долго сохранявшейся — до XIX—XX вв.

Представленный в настоящей статье материал показывает важность лингвистического подхода при изучении рассмотренной терминологической группы. С точки зрения историко-этимологической, обращает на себя внимание исконный характер всех древнейших русских названий копья.

⁶⁰ Миклошич Ф. (*Miklosich*. LPGL, с. 688) приводит этот термин лишь со ссылкой на Гесихия, толкует его как 'hostile' ('копье ударное или метательное'), но напрасно при этом видоизменяет его форму в нереальную *прищитьна*, перекочевавшую в Полный церковнославянский словарь Г. Дьяченко. Термин образовался с помощью суфф. *-ня* на базе словосочетания *при щитѣ*.

⁶¹ *Арциховский А. В.* Оружие, с. 430; *Кирпичников А. Н.* Указ. соч., с. 16.